

на неправильном понимании тех или иных выражений языка»¹ и др.; доверие к языку может породить не только «народную», но и «кабинетную» мифологию²). Конечно, афоризмы такого рода односторонни и должны приниматься в определенном контексте и с определенными оговорками, однако эпизод с названиями *hordeolum* демонстрирует продуктивность (= «заразность») магических переосмыслений, когда языковой факт порождает какую-либо мифологему, которая затем «бумерангом» возвращается в язык, становясь основой новой номинативной единицы и даже целой номинативной серии.

Н.В.Галинова
Уральский университет

К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера

В синхронной системе диалекта происходит взаимодействие дериватов разных по происхождению, но близких или тождественных по форме (а иногда сходных и в семантическом плане) корней. Такое взаимодействие определяется связями в морфо-семантическом поле, создающем предпосылки для сближения гетерогенных лексических фактов или восстановления мотивационных связей между гомогенными по источнику словами. Нередко происходят семантические трансформации взаимодействующих слов, а также их структурное переоформление. В условиях ненормированной системы диалекта практически отсутствуют ограничения аттракционных и контаминационных процессов, что обуславливает высокую активность последних. В ходе аттракционных процессов может произойти практически полная нейтрализация семантических и формальных различий между взаимодействующими словами, в результате возникает лексическая единица, для которой весьма трудно (или даже невозможно) с точностью установить этимон. Можно говорить о возможностях своеобразного «пересоздания» слов вследствие контаминационных процессов.

В настоящей статье предполагается осуществить систематизацию контаминационных процессов, принимая во внимание такой классификационный параметр, как *участники (актанты) взаимодействий*. Для того, чтобы отбор фактов не был случаен, решено взять группу слов, образован-

¹ Шухардт Г. Заметки о языке, мышлении и общем языкознании // Шухардт Г. Избранные статьи по общему языкознанию. М., 1950. С. 239.

² Ср. интересные и методически важные наблюдения по этому вопросу в статье: Журавлев А.Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над мифологизмом А.Н. Афанасьева) // Этимология. 1997–1999. М., 2000.

ных от различных праславянских корней со сходной семантикой – ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’. Источником материала стала лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области); для сопоставления приводятся факты, извлеченные из других лексикографических источников (отсутствие паспортизирующей справки при подаче той или иной лексической единицы означает, что она извлечена из картотеки ТЭ).

При анализе контаминационных процессов дериватов корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’, ‘плести’, ‘вязать’, ‘гнуть’ в говорах Русского Севера выделяются, во-первых, факты, являющиеся результатами взаимодействий в морфо-семантическом поле, созданном на базе исконных корней, во-вторых, результаты взаимодействия дериватов исконных и заимствованных корней.

I. Взаимодействие дериватов исконных корней

Факты такого рода можно разделить на две группы: 1) «внешние» взаимодействия (актантами являются, с одной стороны, продолжения корней со значениями гнутья, верчения, плетения, с другой – продолжения корней, семантика которых не связана с изучаемыми нами корнями); 2) «внутренние» взаимодействия (актантами являются продолжения корней со значениями гнутья, верчения, плетения).

1. «Внешние» взаимодействия

Корень **vьr-/*ver-* ‘вертеть’ омонимичен корню **vьr-* ‘кипеть’, что создает предпосылки для контаминации этимологических гнезд этих корней¹. Возможности контаминации усиливаются тем, что данные корни не только идентичны в формальном плане, но и имеют сходную базовую семантику (ср. наличие семы беспорядочного движения в значении обоих корней). Результаты действия контаминационных процессов можно обнаружить, например, в системе значений лексемы *шаверá* (*шеверá, шиверá*).

С точки зрения синхронного функционирования можно выделить четыре группы значений данных лексем: 1) ‘отходы от обработки клевера’ (*шаверá*); ‘сорная трава’ (*шеверá*); ‘прибрежные деревья и кустарники, стоящие в воде’ (*шаверá*); 2) ‘непоседа, бойкий человек’ (*шаверá*); 3) ‘дополнительная веревка с поплавками, привязываемая к неводу’ (*шиверá*); 4) ‘рябь на воде над каменистой отмелью’ (*шаверá, шеверá, шиверá*); ‘каменистая отмель’ (*шаверá*).

¹ См.: Варбот Ж.Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Изв. РАН. Сер. лит.-ры и языка. 1995. Т. 54. № 4. С. 60–65.

Первая, вторая и четвертая группы значений рассматривались в этимологической литературе, однако не имеют однозначной трактовки.

Л.П. Михайлова считает слова *шавёра* 'пустой человек, бездельник, болтун', *шáver* 'лесной сор', *шаверá* 'остатки, обрубки, сучья после рубки', *шиверá* 'неглубокое место реки с сильным течением и каменистым дном', *шáverь* 'мелочь, дрянь' производными от корня **ver-* 'вертеть, крутить', однако не приводит никакой аргументации¹.

Л.В. Куркина, сравнивая рус. диал. *шáverь* 'мелочь, дрянь', *шáverь*, *шавёрёе* 'ветки, сучья на дне реки' с рус. диал. *шеверёнька* 'плетеная полукруглая корзина, в которой носят корм скоту', соотносит эти слова с глаголом **verati* 'вертеть, совать, тыкать'. Для рус. диал. *шиверá*, *шивёрё* 'быстрина воды в реке на мелком каменистом месте' в качестве исходной восстанавливает основу **vǝreti* 'кипеть' + усилительный элемент *šʔ*.

К этой точке зрения присоединяется А.Е. Аникин, который считает *шйверá* 'перекат' и т.п. производными от др.-рус. *въръѣти*, *върю* 'кипеть' [Аникин, 727]².

Нам представляется возможным считать первую группу значений – *шаверá* 'прибрежные деревья, кусты, стоящие в воде' (ср. приведенное выше *шáverь* 'ветки, сучья на дне реки'), *шаверá* 'отходы от клевера', *шеверá* 'сорная трава' (сорная трава, отходы ↔ мелочь, дрянь) – дериватами корня **ver-* 'вертеть, крутить'. Логика развития семантики такова: вертеть, крутить → ломать → обломок → мелочь, дрянь. Значение 'прибрежные деревья и кустарники, стоящие в воде' могло возникнуть при взаимодействии значений первой и четвертой групп.

Производными этого корня являются и лексемы второй и третьей групп: *шиверá* 'дополнительная веревка с поплавками, привязываемая к неводу' (ср. с точки зрения семантики рус. диал. *повёр*, *свёрка*, *верётище* 'веревка') и *шаверá* 'непоседа, бойкий человек' (семантический переход: вертеть → делать беспорядочные движения → быть проворным, бойким³, с точки зрения семантики ср. *вертешка*, *крутйло* 'подвижный человек, непоседа' [ЛК ТЭ]).

Особо хочется обратить внимание на значение 'дополнительная веревка с поплавками': связь реалий («основная» веревка и «дополни-

¹ Михайлова Л.П. Бытовая лексика в историко-географическом аспекте (слова с корнем **ver-*) // Севернорусские говоры. СПб., 1995. С. 41–42.

² Куркина Л.В. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. 1979. М., 1981. С. 333–334.

³ При этом А.Е. Аникиным отвергается возможность предложенного Э.М. Мурзасвым объяснения слова *шивера* как монгольского заимствования [Аникин, 726–727].

⁴ Куркина Л.В. Варакать // Этимология. 1965. М., 1967. С. 188.

тельная» веревка) находит яркое отражение в деривационных связях лексем (*вервь* < **ver-* + *v-*; *шивѣра* < *ši-* + **ver-*). Экспрессивный префикс *ши-* получает обоснование в признаке «дополнительности» веревки. Подтверждением этимологии лексемы *шивѣра* в этом значении служит глагол *нашивыръѣть* 'пришить карманы' [ЛК ТЭ] (< **vyr-* 'вертеть'), имеющий типичное значение для глаголов верчения, плетения. Лексема *шивѣра*, зафиксированная только в материалах ТЭ, служит наиболее убедительным примером возможности образования структуры *шивѣра* на базе корня **ver-* 'вертеть' (связь с 'кипеть' здесь исключена).

Перейдем к анализу четвертой группы значений. Нам представляется, что рус. диал. *шеверá* 'рябь на воде', *шивѣра* 'то же', *шавѣра* 'каменистая мель', 'рябь воды над каменной отмелью' могут быть производными не только от **vьr-* 'кипеть', но и от **ver-* 'вертеть'.

Логика семантических переходов при этом такова:

– от **ver-* 'вертеть' (ср. рус. диал. *воронѣц* 'речной перекат' < **vor-* 'вертеть'): 1) вертеть → бурлить → быстрое стремительное движение → рябь на воде над отмелью → отмель; 2) вертеть → поворачивать, сгибать → нечто согнутое, скрученное → возвышенность → отмель, каменная мель → пережат в реке → рябь воды над отмелью;

– от **vьr-* 'кипеть': кипеть, бурлить → рябь на воде над отмелью → отмель.

Наиболее реально предположение о том, что *шавѣра* 'рябь над поверхностью воды' представляет собой результат контаминации дериватов двух формально и семантически близких корней.

Возможность контаминации дериватов **ver-* и **var-* ('варить') демонстрирует лексема *вѣрвина* 'дратва'. Данная лексема представляет собой, по-видимому, результат сближения рус. диал. *вѣрвина* 'толстая просмоленная нитка для шитья обуви и кожаных изделий' [СРНГ 4, 124] < *вервь* < **ver-* + суф. -*v-* (см. ниже) и *варить* 'смолить, пропитывать варом' [АОС 3, 49], что подтверждается характером реалии (дратву, как правило, смолили). Однако картину осложняет наличие формы *ѣрвина* 'дратва' [ЛК ТЭ; АОС 1, 73], которую можно интерпретировать как образование от *реать* (появление начального протетического *a-* аналогично случаям типа *рожанѣй* → *аржанѣй*), ср. исходную модель: *дратва* < *драть*. Тогда реально предположение о том, что форма *вѣрвина* есть результат контаминации *ѣрвина* и *варить*. Однако в структурном отношении более вероятна первая версия (ср. также рус. диал. *сварнѣха* 'просмоленная нить' < *варить*), поэтому мы сочли возможным рассматривать данную лексему как дериват корня **ver-* (с учетом последующих трансформаций).

Контаминированным представляется нам и рус. диал. *вѣрево* 'просмоленная нить; дратва'. Данная лексема могла возникнуть вследствие притяжения слов *вѣрево* (< *варить*) и *вервь*, *верѣвка*.

Рус. диал. *неварёной* 'тихий (о человеке)' [ЛК ТЭ], вероятно, произошло вследствие аттракции *неворобый* 'нерасторопный, неповоротливый' и *варёный* 'то же'. На факт такой аттракции указывает семантика рус. диал. *неварёной*: если считать это слово суммой отрицательной приставки *не-* и *варёный* 'медлительный', то стоит ожидать значения 'бойкий, расторопный'. В данном же случае перед нами иная семантика, следовательно, здесь произошло наложение *неворобый* и *варёный* – тем самым создано своеобразное усиление значения каждого из вступивших в процесс аттракции слов. Однако существует и иная возможность интерпретации лексемы *неварёной*: известны ситуации, когда приставка *не-* теряет отрицательный смысл, и слово с этим префиксом становится семантически тождественным бесприставочной форме, например, *йстовый* – *нейстовый*, *погоба* (в диалектном значении 'плохая погода') – *непогоба* и т.п.¹ Пара *варёный* – *неварёный*, по мнению И.П. Петлевой, может входить в сферу действия этой модели². Впрочем, аргументом в пользу первой версии (о производности от корня со значением верчения) могут служить лексемы *неворной*, *неварной* 'нерасторопный, медлительный', зафиксированные ТЭ в Ярославской области: для них производность от *вор-* просматривается более четко.

Особо следует сказать о лексеме *шварлұха* 'нить, которой сшивают сеть'. С формальной точки зрения здесь, помимо *s-mobile*, выделяются суффиксы *-л-* и *-ух-* (ср. *тесло́*, *трепа́ло*, *наберу́ха*, *поплаву́ха*). В этом случае выделяется корень **var-* 'вертеть', что вполне подтверждается семантически (ср. рус. *верёвка*). Однако не стоит исключать влияния со стороны звукоподражательных лексем (двигать вперед и назад → шить → нить, которой сшивают что-либо), тогда перед нами контаминация.

Еще один из возможных путей объяснения происхождения данного слова – отнесение его к дериватам от *варить*, считая преобразованием слова *сварну́ха* 'просмоленная нить'. Начальное *ш* можно расценивать как результат аттракции к рус. диал. *шво́рить* 'связывать вместе' [Фасмер 4, 419].

Возможно, контаминационными процессами объясняется возникновение рус. диал. *ветрёя* 'несущая балка крыши'. Здесь можно усмотреть сложение *верёя* 'косяк у дверей', *верёя* 'балка, служащая поддержкой настила (пола, потолка и др.)' (< **ver-* 'вертеть') + *вётреница* 'желобок под крышей', 'поперечная балка у дверей' (ср. также *вётреница* 'доска или тесина, прикрывающая торцы выступающих из сруба ряже-

¹ Подробнее см.: Петлева И.П. Еще раз к вопросу о *не – не* 'не' // Слово и культура. М., 1998. С. 246–251.

² Там же. С. 248.

вых слег', *ветренѣца* 'резная доска, идущая по линии выступающего фронтона крестьянской избы' [СРНГ 4, 200]); лексема *вѣтреница* производна от *ветер* < *веать*.

Контаминированным является и слово *вы́сковерень* 'дерево, вывороченное с корнем', которое, в свою очередь, возникло из *вы́скорь* 'то же' + продолжения *вер-*.

Рус. диал. *товыръяло* 'человек, который плохо говорит' представляется субстантивным образованием на базе контаминации рус. диал. *шовыръять* 'громко говорить' (< **vyr-* 'вертеть') + *тавра́кать* 'непонятно говорить' (вероятно, звукоподражательного происхождения, ср. звукоподражательное *тара́кать* 'болтать' [Фасмер 4, 21], а также *тава́кать*, *тавь́кать* 'болтать, говорить вздор', которые Фасмер считает неясными [Фасмер 4, 7]).

Ср. также случаи *вероло́м* 'дерево, вывороченное с корнем' (= *бурелом* + *вер-*); *наве́рушка* 'небольшая корзина' (*набиру́шка* 'корзина' < *набрать* + *вер-*); *набо́р* 'ловушка на тетерева' (*наво́р* 'то же' + *брать*); *шва́брить* 'ходить, шаркая ногами' (< рус. диал. *ша́врать* 'ходить, волоча ноги' + *швабра*) и др.

Рус. диал. *шурове́шки* 'головастики' вполне может являться результатом контаминации *шеварёшки* 'то же' и рус. *шуровать* 'проявлять энергичную деятельность', поскольку головастики часто воспринимаются как нечто маленькое и очень подвижное (ср. рус. диал. *верту́ль*, *живу́лька* 'головастик'). В то же время не менее вероятно и то, что данная лексема появилась из формы *шуворе́шки* в результате метатезы.

Контаминационные процессы «с участием» *шеварешек* не ограничиваются сближением с *шуровать*. Любопытно слово *жаворо́нок* 'личинка водного насекомого': *Жаворонки в воде, голоуки тоустеньки; по болотам бегаёшь, ноги перебеёшь, смеются: это вас жаворонки оклевали, от комаров личинки жаворонки* (Гряз). В данном случае четко просматривается сближение *шеварёнок* и *жаворо́нок* 'птица жаворонок'. Смысловой базой для такого сближения становятся многочисленные идиомы вроде *ворона (курица, гусь и др. птицы) сапоги дала, кура оклевала*, обозначающие различного рода дефекты кожи – цыпки, трещинки, язвочки и т.п. на ногах (ср. также внутреннюю форму самой лексемы *цыпки*). Звуковая близость слов *шеварёнок* и *жаворо́нок*, а также наличие активной модели, в соответствии с которой поврежденные участки кожи осмысляются через образы птиц, обусловило появление слова *жаворонок* 'личинка водного насекомого'.

¹ Куркина Л.В. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. 1979. М., 1981. С. 334.

Дериваты гнезд плетения (**plet-* // **plot-*, **plqt-*) обнаруживают формальную близость к продолжениям корня *плыть*.

Ср. слова *плутиво* 'грузило у невода', *плутка*, *плутяи* 'поплавок у невода', которые в структурном плане допускают соотнесение с **plqt-* 'плести'. Лексема *плутиво*, формально совпадая с *плутиво* 'силки', может быть мотивирована признаком плетения: грузила оплетались берестой, ср. прозрачное в словообразовательном плане слово *оплеташко* 'грузило у невода'. Что касается лексем *плутяи*, *плутка*, то здесь можно предполагать контаминацию *плестий* и *плыть*, ср. *плуга* 'поплавок' < *плыть*, *плыву* [Фасмер 3, 287].

Наиболее тесные связи с *плыть* обнаруживаются у дериватов **plot-*. Многие этимологи считают *плот*¹ 'забор, ограда' и *плот*² 'паром, плот' омонимами и относят первое слово к *плести*, а второе – к *плыть*¹. Однако А.Ф. Журавлев полагает, что для названия плота – **phъ* – «не исключается и связь с идеей плетения, соединения ... во всяком случае, допустимо предположение о взаимопроникновении двух различных этимологических гнезд в наименовании плота, в особенности если учесть физическое, конструктивное сходство плота и плетня»². Мысль о возможности отнесения слова *плот* в «водном» значении к *плести* высказывал и П.Я. Черных [Черных 2, 41].

Контаминация продолжений этих двух корней обнаруживается и в нашем материале. Чтобы охарактеризовать эти процессы, рассмотрим словоформы с начальным *плот-*, зафиксированные ТЭ в севернорусских говорах. На наш взгляд, от **plot-* 'плести' производны следующие значения словоформ с корневым *плот-*:

- деревянная поперечная планка, скрепляющая что-либо (*плот*);
- скопление грибов, ягод (*плот*, *плотик*, *оплоть*);
- скопление чего-либо (*плот*);
- приспособление для крепления сохи к оглоблям (*плотина*); часть осины с одним корнем, идущая на изготовление сохи (*плотина*); часть сохи, на которую насаживают лемех (*плотинка*);
- забор (*заплот*) → перегородка в реке для ловли рыбы (*плотцы*)

плотина на реке из бревен; запруда из камней (*заплота*)

порог на реке (*заплота*).

¹ См., например: Варбот Ж.Ж. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах // Этимология. 1970. М., 1972. С. 62; Трубачев О.Н. Ремесленная этимология в славянских языках: (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966. С. 163; Фасмер 3, 285.

² Журавлев А.Ф. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 142.

Словоформы *заплётка* 'способ покрытия крыши', *приплёт* 'плотно сложенные доски потолка, пола' соотносятся со строительным термином *плотить* (это, впрочем, справедливо и для *заплёт*, *заплётка*), который тоже, вероятно, произведен от **plot-* 'плести'.

Значения 'мостки' (*плот*), 'сплав леса плотами' (*плотцы*), 'плот, скрепленные бревна' (*оплётник*), 'заграждение из бревен, в котором сплавляли лес' (*оплётник*), возможно, явились результатом контаминации продолжений *плести* и *плыть*. Если принять допущение А.Ф. Журавлева о возможной мотивированности **plъtъ* признаком соединения, сплетения, то основой подобной контаминации будет *плести*. В пользу этой версии говорят слова со значением 'плот', связь которых с *плести* словообразовательно прозрачна: *сплётка* 'плот', *плёнка* 'вид плота'.

Значения 'большое облако' (*плотина*), 'большая льдина' (*оплётина*), 'покров на болоте' (*плот*) появились в результате метафорического переноса на базе **plъtъ*.

Значение 'бревно, служащее основой плота' могло быть производным как от 'плести' (ср. рус. диал. *визѣлина* 'жердь для скрепления плотов' <**вязилина* < *вязать*), так и от значения 'плот' (в результате метонимического переноса).

Таким образом, словоформы с начальным *плот-* обнаруживают теснейшее переплетение продолжений *плести* и *плыть* (хотя современный диалектный материал вполне допускает соотнесение всех форм с «водными» значениями не с *плыть*, а с *плести*).

Рассматривая этимологическое гнездо праслав. **viti*, можно обнаружить ряд слов, являющихся результатами контаминации с дериватами фонетически близких к *вить* корней *бить* и *веять*.

Взаимодействие с продолжениями *бить* обнаруживается, например, в форме *развитнѡй* 'бойкий, развитой', которую можно считать результатом контаминации *разбитнѡй* (< *бить*) и *развитѡй*. Сугубо формальное сближение с *бить* обусловило трансформацию внешней формы лексемы *повѡйник* 'женский головной убор' (< **viti*) → *побѡйник*. Ср. также лексемы *сувѡй* и *субѡй*, имеющие общие значения 'место встречи нескольких течений; фарватер реки; течение в море, реке'. Основой для взаимодействия, возможно, стала лексема *сувой* со значением 'место встречи нескольких течений', базирующемся на семее соединения, характерной для семантической структуры дериватов 'витья' (ср. этимологию М. Фасмера, считающего *сувѡй* 'свиток, связка', 'неровности из-за заноса снегом', 'волнение в море от столкновения прилива с отливом' производным от *вить* с префиксом *су-* [Фасмер 3, 793]). Появление формы *субѡй* можно считать результатом контаминации *сувѡй* и *бить*, при которой актуализируется представление о том,

как течения «разбиваются» друг о друга. В то же время нельзя исключать и возможности независимого образования формы *суббѣ* от *бить*¹ (ср. *разбойник* ‘остров, расположенный в месте встречи нескольких течений’ [ЛК ТЭ]). Вероятность контаминации можно также усмотреть в таком значении лексем *сувѣ* и *субѣ*, как ‘сугроб’. Основу для контаминации в данном случае определить трудно, так как данное значение семантически соотносится и с тем, и с другим корнем. Таким образом, вновь приходится констатировать, что значение ‘сугроб’ может быть результатом параллельного развития на базе как *вить*, так и *бить*.

В процессы контаминации вступают также слова, обозначающие разного рода обручи и ободья бытовой утвари, ср.: рус. диал. *обійчка* ‘обруч, являющийся основой плетеных изделий’; ‘боковая стенка, обод жернова, решета’, ‘шпангоут лодки’; *обвѣйчка* ‘обруч, являющийся основой плетеных изделий’; ‘прутик, обвивающий верхний обруч корзины’; ‘крышка корзины’; ‘чехол у жерновов’; *обечайка* ‘обруч, являющийся основой плетеных изделий’; ‘кромка ткани; кайма’; ‘тесьма’; ‘лоток’; *овійчка* ‘корпус корзины, который делается из цельного куска дерева, который сгибается в кольцо и сшивается’; ‘обод решета, сделанный из прутьев’; ‘решето’. Лексемы из этой группы могут быть производными от следующих слов (или же представлять собой результат взаимовлияний последних): 1) *веко* ‘крышка корзины или деревянной (берестяной) посуды’, ‘деревянная или сплетенная из дранки, скрепленная ободом посудины’, ‘деревянный обод решета’ и др. [АОС 3, 88–89; ЛК ТЭ]; 2) *вить* → *вица*, *обвивать*; 3) *бить*, *обивать*. Производность от *веко* просматривается для слова *обечайка* (ср. используемое В.И. Далем толкование одного через другое: *веко* – обод сита или решета, дранковый или лубочный, *обечайка* [Даль 1, 175]): такое этимологическое решение предлагается авторами ЭСБМ для белор. *абечак* ‘край решета’, *абічайка* ‘обод решета из луба’, ‘каркас бубна’ и др. (< *аб-веч-ак*, *аб-веч-айка* от **věko* ‘покрышка’) [ЭСБМ 1, 47, 50]². Для лексем *обичка*, *обвичка*, *овичка* выявление производящей основы весьма затруднительно. Представляется, что слово *обвичка* можно объяснить как дериват глагола *обвичить* ‘перевить, переплести вицами – гибкими ветвями’ [СРНГ 22, 9; ЛК ТЭ] ← *вица*. Однако есть и альтернативный вариант интерпретации: слово *обвичка* могло появиться из *обвечка* ‘ободок’

¹ Ср. лексему *сулбѣ*, имеющую тот же спектр «водных» значений, что и *сувѣ*, *субѣ*. Данная лексема, которая может быть интерпретирована как образование на базе корня *лѣть* (*сулбѣ* – ‘место слияния течений’), также участвует в описанных контаминационных процессах.

² В качестве менее вероятной в ЭСБМ рассматривается версия о производности белор. *абічайка* от *вить* [ЭСБМ 1, 50].

(арх.) [СРНГ 21, 360] ← *веко* при аттракции к *вить* (*вица*). Вариант *обичка* может представлять собой результат аттракции к *обить* или же упрощения группы согласных на морфемном шве (*бв* → *б*). Что касается слова *овичка*, то здесь вновь можно увидеть вышеупомянутый фонетический процесс (*бв* → *в*) или же аттракцию к *вить*.

Не менее сложна ситуация с продолжениями *вить* и *веять*.

Контаминация дериватов этих корней наиболее вероятна в «метеорологических» значениях – ‘вьюга’, ‘поземка’, ‘сугроб’, которые могут быть мотивированы как признаком ‘то, что вьется, навито (снегом)’, так и признаком ‘то, что веется, производится ветром’. Для того, чтобы разграничить производные от *вить* и *веять*, следует воспользоваться словообразовательными критериями (однако абсолютное разграничение осуществить едва ли удастся). Например, лексема *зався* ‘снежный нанос’, ‘поземка’, скорее всего, является продолжением *веять*, ср. убедительно соотносимое с *веять* слово, формально совпадающее с этой лексемой: *зався* ‘место в тени, обдуваемое ветром’. В то же время слова *вило* ‘вьюга’, *завивать* ‘заметать снегом’ следует сопоставить с *вить*.

Рассмотрим в этой связи слова *сுவель*, *сувиль*, *суйль*, *завиль* ‘сугроб’. Принадлежность лексемы *сувель* ‘сугроб’ к гнезду именно *вить*, а не *веять*, доказывает Т.В. Горячева, отмечая формальную тождественность лексем *сувель* ‘сугроб’ и *сுவель* ‘свиливатость’ (т.е. искривленность волокон у дерева)¹. Еще одним подтверждением этой этимологии являются зафиксированные ТЭ лексемы *сுவель* ‘сугроб’ и *сувель* ‘дерево с искривленными волокнами’, демонстрирующие не только идентичность форм, но и эквивалентность значений. Очевидно, формы *сувиль*, *суйль*, *завель* также можно отнести к гнезду *вить*. Ср., кстати, отмеченную выше возможность образования значения ‘сугроб’ на базе семантики ‘витья’, которая подтверждается существованием формы *сувиль*, убедительно соотносящейся с *вить*.

Более противоречива ситуация с весьма интересной и, очевидно, архаичной лексемой *кувель* ‘снежный нанос’, зафиксированной только в материалах ТЭ. Данное слово можно интерпретировать как образование с архаичным префиксом **ku-* и суф. **-ть* (ср. *пóдать* и др.²). Исходный корень (*вить* или *веять*) здесь определить практически невозможно. С одной стороны, дериваты *вить*, как показано выше, могут иметь значение ‘сугроб’. С другой стороны, в картотеке ТЭ фиксируется омонимичная лексема *кувель*

¹ Для самого литер. *вьюга* считается возможной как связь с *вить*, так и с *веять* [Фасмер 1, 373; ЕСУМ 1, 441].

² Горячева Т.В. К этимологии рус. диал. *сувели* // Этимология. 1974. М., 1976. С. 127–128.

³ Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 78.

‘угол за печкой’, которую, возможно, следует сравнить со словами *кут* ‘то же’ и *пове́ть* ‘место для хранения сена’, ‘задняя нежилая часть дома’ – причем последнее производно от *веять* [Фасмер 3, 233]. Таким образом, с точки зрения словообразования связь с *веять* вполне допустима.

Можно сделать вывод о том, что метеорологические термины со значениями ‘метель’, ‘сугроб’ являются результатом контаминации на основе *вить* и *веять* (в случае со значением ‘сугроб’ базой для контаминации чаще становится *вить*).

Лексема *беля́вый* ‘высокий, худой (о человеке)’ [ЛК ТЭ], скорее всего, появилась в результате сугубо формальной контаминации слов *виля́вый* ‘то же’ [ЛК ТЭ] + *белый*.

Рус. диал. *вь́хнут* ‘провалиться’ может представлять собой контаминацию звукоподражательного глагола *у́хнуть* + *вить* либо иметь лишь звукоподражательное происхождение.

Наконец, в гнезде *вить* возможны контаминации на базе *вить* и *вита́ть* ‘жить, пребывать’ (последний глагол этимологически не связан с *вить* [Шанский I/3, 99]. Например, лексема *вита́ться* имеет значения ‘болтаться’, ‘находиться рядом, виться около’, ‘использоваться, быть в обиходе’. Значение ‘использоваться, быть в обиходе’ может быть производным от значения ‘виться’ (виться → виться около, находиться рядом → использоваться, быть в обиходе). Значение ‘находиться рядом’ можно также соотнести с ‘болтаться’ (явно связанным с семантикой ‘витья’), но для него же возможно соотнесение с *вита́ть* ‘жить, пребывать’.

Большое количество случаев разного рода контаминаций наблюдается в гнездах со значением ‘гнуть’. К примеру, весьма интенсивно идет аттракция продолжений фонетически и семантически близких **kul-* и **kolo* ‘круглый’ (ср., например, *кулыга* / *колыга* и др.).

Лексему *гнячок* ‘гребень двускатной крыши’ можно рассматривать как результат контаминации слова *княчок* (*кнечок*) ‘то же’¹ [ЛК ТЭ; СВГ 3, 71] и глагола *гнуть*: семантически такое сближение может быть мотивировано тем, что верхнее продольное бревно крыши нередко имело на конце резное украшение («схематизированная» голова коня, птицы и т.п.) изогнутой формы.

¹ Вопрос о происхождении слова *кнечок* требует специальных разысканий. Не хочется отделять его от функционирующих в том же значении лексем *князек* и *конек*. Вряд ли здесь отражается влияние со стороны слова *кнек* (*кнека*) ‘ухват, надолба, столбик, сквозь который проходят снасти или за который они крепятся’, которое является западноевропейским (голландским) заимствованием [Ивашова Н.М. Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. С. 83].

На базе рус. диал. *куляшій* 'ряженные' (< **kul-* 'гнуть') в ходе переосмысления и, как следствие, сближения с рус. *гулять* появилось рус. диал. *гуляшій* 'ряженные'. Подобное соотнесение привело к дальнейшему переосмыслению внутренней формы лексемы *куляшій*, и в результате народной этимологии в говорах Русского Севера возникла субстантивированная форма *гулящие* 'то же'.

Весьма интересны для интерпретации следующие лексемы, зафиксированные ТЭ: *пáкуль* 'отросток рога у лося', 'повязка на поврежденном пальце', 'неуравновешенный, вспыльчивый человек'; *пакуль* 'искалеченная рука, лишенная пальцев или кисти; культи, обрубок', 'повязка на поврежденном пальце', 'беспальный или безрукий человек', 'неловкий, нерасторопный человек, у которого все валится из рук'; *пакуля* 'искалеченная рука, лишенная пальцев или кисти; культи', 'старая рваная рукавица'.

На наш взгляд, вопрос относительно происхождения данных лексем не имеет однозначного решения. Представим возможные варианты:

а) в рус. диал. *пáкуль*, *пакуля* и т.п. может быть выделен непродуктивный в современной системе диалекта префикс *па-* и корень *кул-* 'гнуть'. С точки зрения «словообразовательного прецедента» ср. лексему *пáкуль* 'небольшая пожня на берегу реки'. Семантически данное решение вполне оправданно, так как подобные значения часты у продолжений именно этого корня, ср.: рус. диал. *культия* 'рука или нога без пальцев', 'беспальный человек', словен. *kulj*, *kúlja* 'имеющий обломанные рога или безрогий' [ЭССЯ 13, 98] (сюда же, вероятно, *кулятка* 'перчатка') и т.п. Аналогичная семантика встречается и у дериватов других корней со значением 'гнуть': рус. диал. *кукач* 'прозвище драчливого человека' [ЭССЯ 13, 87], рус. диал. *куколь* 'повязка на поврежденном пальце' (< *куж-* 'гнуть') и др. Косвенным доказательством правдоподобия данной версии, вероятно, может служить форма *пакулёк* 'предмет круглой формы, шарик'¹;

б) перед нами дериваты глагола **kolti* 'колоть'. В данном гнезде значения 'нечто изогнутое, кривое', 'обрубок' и проч. встречаются дос-

¹ Нельзя не упомянуть о существовании лексемы *пагулька* 'шишка, волдырь', интерпретируемой нами как дериват корня **gul-* 'гнуть'. Тогда лексему *пакулёк* 'предмет круглой формы, шарик' можно считать и результатом контаминации *пагулька* + дериваты корня *кул-*. Заметим также, что доминантой семантического облика продолжений корня **gul-* является обозначение предметов круглой формы: рус. диал. *гулюшка* 'катышек, шарик' [ЛК ТЭ], слов. *guľa* 'шар' [ЭССЯ 7, 170]. Однако для продолжений корня *кул-* также характерно значение 'нечто круглое', ср. чеш. диал. *kulák* 'круглый камень', рус. *кулак* 'пять ручная, с прижатыми к ней пальцами, кука', т.е. 'округло сжатые все пять пальцев руки и ладонь' [ЭССЯ 13, 96]. Учитывая последнее замечание, представляется возможным отнести лексему *пакулёк* скорее к гнезду *кул-*, чем к *гул-*.

таточно часто: словен. *pákeli* 'нечто изогнутое', 'крюк'; рус. диал. *пакля* 'беспалая рука'; 'рука, кисть руки'; 'нога' и др.;

в) эти лексемы появились в результате контаминации дериватов корня *кул-* и рус. *пакля* 'беспалая рука'. Установить, что послужило основой контаминации, довольно трудно. Хотелось бы высказать предположение о возникновении вышеперечисленных значений у продолжений корня *кул-*, а следствием воздействия рус. *пакля* считать лишь появление элемента *па-*.

Представляется, что наиболее приемлема третья версия (при условии равноправных партнерских взаимоотношений между *пакля* и дериватами *кул-*), хотя первая также выглядит вполне заманчивой. Следует также отметить, что в контаминационные процессы с участием слов этой группы может включиться и распространенная на Русском Севере лексема *пáкула* 'нарост на дереве', являющаяся финно-угорским заимствованием [Фасмер 3, 189].

Рус. диал. *ля́жйна* 'сырое место' – результат контаминации лексем *ля́жйна*, *ля́га* 'то же' (< **lęk-* 'гнуть') и рус. *лазять*.

Контаминированными являются рус. диал. *ручкóвка*, *ручкóвая пилá* 'разновидность пилы' < *лучкóвка*, *лучкóвая пилá* 'то же' (< **lǫk-* 'гнуть') + *рука*, *ручной*.

2. «Внутренние» взаимодействия

Здесь рассматриваются случаи разного рода контаминационных и аттракционных процессов, когда актантами являются продолжения корней со значениями сгибания, верчения, плетения. В рамках «внутренних» взаимодействий следует выделить две группы процессов: 1) ситуации установления новых мотивационных связей между разошедшимися на предыдущем этапе развития продолжениями одного корня; 2) взаимодействия между продолжениями разных корней со сходной семантикой.

Процессы первой группы представляют большой интерес, поскольку иногда демонстрируют возможность такого своеобразного развития мотивации, когда исходный мотивационный признак дает две номинации в разных денотативных сферах. Каждая из них начинает жить своей «семантической жизнью», развивается полисемия и т.п. – со временем исходный признак перестает ощущаться как объединяющий и возникает омонимия. Однако активность метаязыкового сознания носителей говора и действие внутрисистемных факторов обуславливают вторичные сближения бывших омонимов.

¹ Куркина Л.В. Заметки по словенской этимологии // Общеславянский этимологический атлас. 1980. М., 1982. С. 276–277.

В плане описания подобных процессов хочется обратить внимание на лексемы с корнем *зуб-*.

Значение 'гриб' у рус. диал. *зубá*, по мнению авторов ЭССЯ, является наиболее архаичным в гнезде дериватов корня **gqb-* (по крайней мере, 'губа' производно от 'гриб' и возникло в результате метафорического переноса). Значение 'гриб' появилось на базе семантики 'нарост, выпуклость' [ЭССЯ 7, 78–80]. Представляется, что в настоящее время в сознании диалектоносителя происходит обратный процесс – процесс переосмысления первоначальной связи 'гриб' → 'губа': теперь *зубá* 'гриб' начинает трактоваться как метафора от общенародного *зубá* 'одна из двух кожно-мышечных подвижных складок, образующих края рта' (в говорах, в том числе севернорусских, фиксируется также соматизм *зуба* – с ударением на первом слоге, что создает полную симметрию форм с «соматическим» и «микологическим» значением). Очевидно, такая тенденция обусловлена двумя факторами: 1) *зубá* и *зубá* не соотносятся диалектоносителями с гнездом **gqb-* 'гнуть' из-за затемненной внутренней формы; 2) лексемой *зубá* преимущественно обозначаются именно шляпочные грибы (а шляпка, как правило, имеет загнутые края). Последнее обстоятельство и послужило причиной сопоставления *зубá* 'гриб' с *зубой* в соматическом значении¹. Вероятно, следствие подобного переосмысления можно считать появление рус. диал. *зубáтка* 'гриб волнушка'², а также, отчасти, *зубина* 'гриб'.

Впрочем, не стоит игнорировать существование тенденции сравнивать с «соматической» *зубой* любой относительно плоский, чуть загнутый край чего-либо, ср. рус. диал. *назубина* 'планка, прибитая по краю полки' (если обратить внимание на словообразовательные связи данной лексемы, то возникает предположение, что это планка, прибитая на **зубу́* – 'край полки'), рус. диал. *зубища* 'край посуды', *зубá* 'загнутый край, кромка какого-нибудь изделия' [АОС 10, 123].

В процесс вторичного прояснения мотивационных связей вступает также глагол *зубить* 'приводить к гибели', который также является элементом этимолого-словообразовательного гнезда **gqb-*. Лексема *зуба* 'название различных наростов на стволе дерева (преимущественно трутовика)' подвергается сближению с этим глаголом: итогом такого

¹ Подтверждением того, что края шляпки гриба могут сравниваться с *зубой*, служат следующие контексты: *Гладуха – гриб светлее, поглаже, позубастей* (Шекси); *Красуля зубастая такая* (Вель); *Грузни осенью собираем, зубки загнулись у них* (Ваш). Ср. также рус. диал. *толстоzubик* 'несъедобный гриб': в данном наименовании явно просматривается указание на то, что шляпка этого вида грибов имеет края, напоминающие пухлые губы человека.

² Край шляпки волнушки также можно сравнить с губой.

сближения становится появление значений ‘несъедобный гриб’ и ‘гнить в стволе дерева, плесень, древесный грибок’. Ср. подтверждение реальности этого процесса притяжения в показаниях языкового сознания диалектоносителей: *Губа-то дерево губит* (Леш).

В связи с процессами установления новых мотивационных связей между разошедшимися продолжениями одного корня следует отметить и лексему *губник* ‘пирожок с грибами’, ‘пирожок с любой начинкой’. Перед нами, вероятно, случай двойной мотивации: на поверхности сопоставление данного слова с *губа* ‘гриб’ (тогда следует считать исходным значение ‘пирожок с грибами’, а значение ‘пирожок с любой начинкой’ появилось вследствие расширения семантики). Однако эту связь можно квалифицировать как вторичную, если предположить, что первоначальное значение лексемы – ‘загнуть и пирога с начинкой’. К такому выводу можно прийти, сопоставив *губник* с фактами типа *загйбанец* ‘пирожок с любой начинкой’ и проанализировав контексты: *Губником называли пирог загнутый* (В-Важ); *Губник – пирог загнут внутрь* (В-Важ); *Тесто накладём, наляпаем грибов, завернём – вот и губник* (Важ); *Губники гнули с ягодам, грибам* (В-Важ). Таким образом, данная лексема является дериватом **gub-* ‘гнуть’. Затем, вследствие вторичной связи с *губа* ‘гриб’, происходит специализация значения. К тому же и здесь нельзя не учитывать влияния со стороны соматизма *губа*: с последней лексемой диалектоносители начинают соотносить края данного вида пирога: *Пирог с грибами губником называли, его с одной стороны защипывали, как губка* (Кон, Дико-Зеленая); *Пирог не-кут из черники-то, губы замажут все дак*; ср. также: *Губы замажут все – дак губники, из черники-то – пироги* [АОС 10,123]; *Вон этот пирог только защипай, а то губы большие будут* (урал.) [СРНГ 7, 192].

Перейдем к описанию второй группы процессов «внутренних» взаимодействий, когда аттракции подвергаются продолжения *р а з - н ы х* корней со сходной семантикой.

Рассмотрим лексемы *ковёр* ‘утолщение, нарост на дереве’, *ковёрчик* ‘неровность на поверхности чего-либо’. Если считать данные лексемы дериватами корня со значением ‘вертеть, крутить’, то в них можно выделить архаичный префикс *ко-* и корень *выр-* (такая огласовка – **vyr-* – появляется в результате вторичной перестройки вокализма [ЭССЯ 12, 17]). В этом случае лексемы *ковёр* и *ковёрчик*, видимо, будут связаны с рус. *ковырять* ‘раскапывать, разрывать, делая небольшие ямки’, для которого О.Н. Трубачев предполагает исходный корень **ver-* ‘вертеть’ [ЭССЯ 12, 17]. Однако не менее (и даже более) вероятно другое предположение: данные лексемы являются дериватами праслав.

корня **govur-* ‘нечто согнутое’, который описан В.А. Меркуловой¹. Тогда следует соотнести эти лексемы с рус. диал. *говѣ́ря* ‘наросст на дереве’ – с учетом возможности нерегулярного экспрессивного чередования г/к. Обе версии можно объединить, предполагая, что лексема *ковѣ́ря* является результатом контаминации *говѣ́ря* и *ковырѣ́ть*.

Возвращаясь к «грибной» теме, следует прокомментировать рус. диал. *губѣ́рь* ‘гриб валуй’. Данная лексема может быть производной от *губѣ́* ‘гриб’ с суф. -*арь* (ср. *свинѣ́рь* ‘черный груздь’, *сухѣ́рь* ‘гриб, похожий на груздь’, *вешкѣ́рь* ‘гриб подосиновик’). Однако не менее вероятно и то, что перед нами результат переосмысления рус. диал. *кубѣ́рь* ‘гриб валуй’, сближения этого слова с *губѣ́* ‘гриб’ и соматизма *губѣ́*, ср. также контекст: *Губарь губастый весь* (Шексн). В пользу данной версии говорит и то, что *губѣ́рь*, как и *кубѣ́рь*, являются обозначениями именно валуя, в то время как *губѣ́* – название разного вида грибов. К тому же дериваты корня **kub-* ‘гнуть’ в основном являются существительными с семантикой округлости, выпуклости, а валуй имеет форму шарика: *Кубари – эти сильно уж круглыё, их тожо солят* (У-Куб); *Кубарь пото, что шляпка вкруг ножски, как шарик* (Сямж).

Лексема *ѣверь* ‘бранное слово (по отношению к человеку)’ является дериватом корня **ver-* ‘вертеть’, ср. слово *ѣверень* ‘осколок, обломок’, которое О.Н. Трубачев рассматривает как реализацию редкой префиксальной модели «*ѣ-* + корень»². Значение слова *ѣверь*, вероятно, производно от значения ‘щепа, осколок’ (щепа → мелочь, дрянь → брань). Однако можно предположить, что появление данного значения обусловлено контаминацией со словом *ѣверг* (< **vьrg-* ‘вертеть’)³.

Рус. диал. *кочегѣ́* ‘деревянная палка для выколачивания белья’ и *кочѣ́га* ‘цеп’, вероятно, представляют собой результат контаминации *кичѣ́га* ‘то же’ (< **kuk-* ‘гнуть’) с рус. диал. *кочергѣ́* ‘приспособление для выколачивания белья’ (< **kok-* ‘гнуть’) на основе подобия формы слов, а также сходства конфигурации реалий.

II. Взаимодействие дериватов исконных и заимствованных корней

Контаминации такого рода можно рассмотреть на примере дериватов гнезд **kuk-*, **kok-*, **kul-* ‘гнуть’. Как уже отмечалось, данные корни имеют весьма выразительный внешний облик. Возможно, звукосимво-

¹ Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии. III // Этимология. 1983. М., 1985. С. 65–66.

² Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972. С. 3–20.

³ Не исключено также притяжение к слову *изувѣ́р*.

лическая выразительность данных звукокомплексов обусловила появление в различных языках (в том числе неродственных) корней со сходными значениями.

Так, словоформа *ку́каль*, имеющая в севернорусских говорах широкий спектр значений, обнаруживает переключки с западноевропейскими заимствованиями. Приведем примеры значений этой лексемы:

ку́коль ‘мешковидная часть ловушки на рыбу’; ‘прическа из волос, уложенных пучком’; ‘повязка на пораненном пальце’; ‘ком снега на дереве’; ‘неряшливо одетый человек; укутанный человек’; ‘головной убор наподобие башлыка; накомарник в форме капюшона’; ‘платок, одеваемый охотниками’;

кука́ль ‘узел’; ‘угол, образуемый двумя болотами’.

На наш взгляд, значения ‘прическа из волос, уложенных пучком’, ‘повязка на пораненном пальце’, ‘неряшливо одетый человек, укутанный человек’, ‘узел’, ‘угол, образуемый двумя болотами’, ‘ком снега на дереве’ возникли на славянской почве в гнезде **kuk-* ‘гнуть’, тем более что данная семантика типична и закономерно развивается в гнездах изучаемых в работе корней (ср. *коковá*, *коклѣшка*, *кубѣшка*, *кульшка* ‘волосы, закрученные узлом на затылке’ < **kok-*, **kub-*, **kul-*, *паку́ль* ‘повязка на пораненном пальце’ < **kul-*, *кулеба́ка*, *кукомо́я* ‘неряха’ < **kul-*, *kuk-*, *кули́к* ‘предм ет, имеющий форму угла’ < **kul-* и др.).

Значения ‘головной убор в форме башлыка’, ‘накомарник в виде капюшона’, ‘головной убор охотников’, скорее всего, связаны с др.-рус., ст.-слав. *куколь* ‘капюшон’ < ср.-греч. *κουκουλλι (ον)*, *κουκουλα* от лат. *cuculla*, *cucullus* ‘капюшон, кулек’ [Фасмер 2, 406]. Однако здесь возможна и контаминация с гнездом слав. **kuk-* ‘гнуть’, ср. значение лексемы *куколь* – ‘сплетенная из ниток насадка на палку типа факела’, которую ЭССЯ считает дериватом **kuk-* [ЭССЯ 13, 87] (значение ‘свертывать’ → ‘сплести’ может появиться у дериватов корней со значением ‘гнуть’, ср. белорус. *збаць* ‘складывать, свертывать’ [ЭССЯ 7, 187]). Возможность контаминации исконных и заимствованных слов подтверждается тем, что признак углообразной формы, характерный для ряда значений *куколь*, может появиться как у исконных, так и у заимствованных слов.

Рассмотрим также лексику *ку́кла* (‘ком снега’, ‘моток ниток’, ‘мережа’, ‘способ укладки льна’, ‘связка льна’, ‘мера льна в 10 горстей’, ‘связка согнутых прутьев, веток’).

¹ Суф. -аль- описан в работе Е.С. Павловой: *Павлова Е.С. Имена существительные с суффиксом -ол- в истории русского языка* // *Этимология*. 1991–1993. М., 1994. С.102–125.

Этимологическая интерпретация этого слова вызывает трудности, так как непросто отделить значения, возникшие на славянской почве (< **kuk-* ‘гнуть’), от значений, восходящих к литер. *кѹкла* ‘игрушка’, являющемуся заимствованием из ср.-греч. *κουκλα* ‘кукла’, источником которого было лат. *cuculla* ‘капюшон’ [Фасмер 2, 405]. Авторы ЭССЯ помещают в статью на праслав. **kukъla* (<**kuka*) только те значения, в основе которых лежит признак круглой, выпуклой формы – ‘круглый хлеб, кусок, глыба’ [ЭССЯ 13, 94–95], но не включают значения ‘связка льна’, ‘способ укладки льна’ и т.п., широко представленные в русских говорах [СРНГ 2, 70–71]. Очевидно, такое решение можно объяснить тем, что снопам льна, приготовленным для просушки, нередко придавался антропоморфный вид (они напоминали соломенную куклу, ср., к примеру, *ба́бка* ‘способ укладки льна’). Однако мы считаем, что значения такого рода вполне могли возникнуть в гнезде **kuk-* (ср. образования с подобной семантикой от других корней со значением ‘гнуть’: *кубъшечка*, *кулѣтка*, *кѹча* ‘мера льна’ < **kub-*, **kul-*, **kuk-*, *кулѣмка*, *коку́лька* ‘сноп льна, сложенный определенным образом’ < **kul-*, **kok-*). Ср. также значение ‘связка согнутых прутьев, веток’, где напрямую присутствует сема сгибания. Остальные значения (‘ком снега’, ‘мережа’ и др.) вполне выводимы из семантики **kuk-*.

Однако для более объемного представления истории слова *кѹкла* следует предположить, что ряд значений возник не только на основе исконного **kuk-*, но в результате контаминации с заимствованным словом. Предположение о скрещении заимствованного и исконного *кѹкла* было высказано Ф. Славским, а за ним и Т.В. Невской¹.

Непросто решить вопрос о происхождении лексемы *куль* (‘мешок для ног у мехового одеяла’, ‘плетеная берестяная заплечная корзина’, ‘зауженная часть ловушки на рыбу в виде кулька’). Данные значения вполне закономерны для гнезда слав. **kul-* ‘гнуть’, однако нельзя исключать, что своим возникновением они обязаны литер. *куль*, которое, возможно, является заимствованием из лат. *culleus* ‘кожаный мешок’. Однако М. Фасмер указывает, что география слова *куль* противоречит версии о его заимствовании [Фасмер 2, 412]. Существует и «исконная» версия относительно происхождения лексемы *куль*, согласно которой это общеславянский диалектизм, связанный с и.-е. корнем **keu-* со значением ‘сгибать, делать выпуклым’ [Шанский II/8, 441]. Скорее всего, значения лексемы *куль* можно объяснить как результат контаминации исконного и заимствованного слов.

¹ Невская Т.В. Славянские названия куклы по материалам лингвистического атласа Европы // Общеславянский лингвистический атлас. 1988–1990. М., 1993. С. 38.

Определенные трудности представляет и интерпретация диал. *кулич* 'пирог с картошкой'. Это слово обнаруживает переключки с литер. *кулич* 'цилиндрической формы хлеб, обычно связанный с пасхальным обрядом'. М. Фасмер считает, что для рус. литер. *кулич* генетически восстанавливается ср.-греч. *κολλιχι(ον)* от *κόλλιξ* 'хлеб круглой или овальной формы' [Фасмер 2, 411]. П.Я. Черных относит *кулич* к разряду неясных в этимологическом отношении слов, отмечая, что при обращении к версии о греческом происхождении *кулича* «обходится молчанием или недостаточно учитывается такое важное обстоятельство, как поздний характер появления этого слова, непонятная его концовка *ч*, невыясненность его отношения к диал. *кулича* и *куличка*». Далее восстанавливается праслав. корень **kul-* [Черных 1, 452–453]. Рус. диал. *кулич* 'пирог с картошкой' может представлять собой результат контаминации литер. *кулич* (если считать его заимствованием) с названиями разного рода хлебобулочных изделий, производных от корня *кул-* 'гнуть', ср. *кулебяка*, *кулич* 'ватрушка' и т.п. Кстати, дополнительный импульс для появления «хлебобулочной» семантики у лексем с начальным *кул-* дает активная модель *название птицы* → *вид выпечки* (*жасворонки*, *тетеры* и т.п.): в сферу действия этой модели втягивается и орнитоним *кулик*, ср.: *кулич* 'булка в виде птицы, которую пекут в день сорока мучеников' (курск.) [СРНГ 16, 65]. С другой стороны, слово *кулич* 'пирог с картошкой' можно считать дериватом корня **kul-* без каких бы то ни было «внешних» влияний (суффикс *-ич-* представлен в русском словообразовании); ср. отмеченное в архангельских говорах слово *кулик* 'выпечное изделие (какое?)' с контекстами (*В городах туце празднуют, чем здесь, ходят кулики светить*; *С куликом идут*)¹, указывающими на возможную независимость диалектных наименований пасхального хлеба от литер. *кулич*.

Контаминировать с заимствованными могут и дериваты корней с другими значениями, нежели 'гнуть'.

Лексема *изв'язка* 'раствор извести' представляет собой результат контаминации рус. *извёстка* (< греч. *ἄσβεστος* 'негаснувший' [Черных 1, 339]) и рус. *связывать* 'обладать вяжущими свойствами'. Семантической базой для такой контаминации стало представление о вязкости загустевшего раствора извести.

Рус. диал. *в'йтэль* 'ловушка на рыбу' происходит, вероятно, из рус. диал. *в'ентерь* 'то же' (< лит. *vėnteris* 'верша из ивовых прутьев', лтш. *veñteris* 'верша' [Фасмер 1, 292]) + *вуть*.

¹ Ильинская Н.Г. К проблеме системных отношений в лексике. Лексико-семантическая группа «Выпеченные изделия» в архангельском диалекте (семантический и лингвогеографический аспекты). М., 1998. С. 264.

Рус. диал. *ворочёк* 'туесок' – следствие контаминации рус. диал. *бурачок* 'то же' (возможно, из тюркских языков [Аникин, 145]) + *сворачивать* 'скатывать в трубку, сверток'. Семантически это объясняется технологией изготовления туеска – сворачиванием бересты в виде цилиндра.

На территории Русского Севера, в зоне интенсивных контактов русского и финно-угорского населения, следует ожидать появления случаев контаминации исконных и финно-угорских по происхождению слов.

Эту ситуацию можно рассмотреть на примере наименований различных видов выпечки (пирогов). Наибольшие трудности вызывает интерпретация некоторых тематических подгрупп «хлебобулочной» лексики на *кок-/кук-*:

значение	лексемы
неудачно испеченный хлеб	коковья́, коковья́ха, куковёра, куковёра, ко́канец, коко́шник, ко́конец, ко́кач
пирожок с какой-либо начинкой	ко́кач, коко́рка, како́ра, коко́рька, коку́рка

Некоторые из этих лексем рассматривались в этимологической литературе. По мнению М. Фасмера, рус. диал. *ко́кач* 'пирог с начинкой' происходит из олон. *kokoi* 'хлеб из ячменя или овса' [Фасмер 2, 281]. Можно привести еще прибалтийско-финские соответствия: карел. *kokko* 'круглая булочка', *kukko* 'закрытый пирог' [СКЯ–Пунжина, 110, 120], вепс. *kokat* 'пирожок с начинкой' [СВЯ, 219]. В SKES указывается, что обозначения пирогов типа карел. *kukko* этимологически связаны со словом *kukko* 'петух' [SKES 2, 232]. Очевидно, такая метафора, возникшая в финно-угорских языках, отражает представление о сходстве зашипанной корочки пирога с гребнем петуха. При этом SKES отмечает, что само слово *kukko* 'петух' является германским заимствованием, а данная лексема в значении 'пирог', в свою очередь, заимствована из финно-угорских языков в русские говоры [SKES 2, 232].

Заимствованную версию о происхождении лексемы *коку́рка* 'лепешка' предлагает И.Г. Иванов, который считает, что в основе этого слова – мар. *кок ур* 'две копейки' (лепешка по форме напоминает грошовую монету)¹. Данная версия представляется маловероятной: словом называют не только лепешки, но и пироги, не имеющие сходства с монетой; кроме того, эта версия не объясняет происхождение разного рода вариантов слова *коку́рка*.

¹ Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Сов. финно-угроведение. 1969. № 2. С.107.

Что касается исконных версий о происхождении рассматриваемых лексем, то на славянской почве объясняется только рус. диал. *куковѣна* 'непропеченный слой в хлебе' (< **kuk-* 'гнуть') [ЭССЯ 13, 93], ср. также болг. диал. *кѹкла* 'маленький каравай', ст.-польск. *kukla* 'хлеб, булка продолговатой формы', польск. литер. *kukla* 'круглый хлеб, булка', диал. *kukla* 'кусок, глыба, праздничное изделие из теста' (< **kuk-*) [ЭССЯ 13, 94–95]. В наших материалах есть не только лексема *кѹковина* 'непропеченный слой в хлебе', но и *кѹковень* 'то же', которую можно с уверенностью отнести к корню **kuk-*. В ЭССЯ упоминается также слов. диал. *kokošky* 'пирог с повидлом или творогом', которое подается в статье на **kokoška* 'курица' [ЭССЯ 10, 116]. Очевидно, при этом предполагается метафора – аналогичная той, которая наблюдается в финно-угорских языках.

Таким образом, имеющиеся этимологические решения не объясняют всех «хлебобулочных» лексем на *кок-*, *кук-*.

Представляется, что на славянской почве можно объяснить лексемы *коковѣя*, *коковѣха*, *коклѹшка*, *куковѣра*, *куковѣра* (формы *куковѣра*, *куковѣра* могут быть производными от корня **ver-* с удвоенным архаичным префиксом *ку-/ко-*, либо от корней **kuk-* 'гнуть' + **ver-* 'вертеть' (с точки зрения семантики ср. укр. *варпанік* 'хлеб, выпеченный из смешанной, недоброкачественной, обычно разных сортов муки' < **vorp-* 'вертеть'¹), либо от **kuk-* с экспрессивными суффиксальными элементами. Последнее более вероятно). Они обозначают именно 'неудачный хлеб' (такого значения нет в финно-угорских языках) и хорошо вписываются в семантическую структуру дериватов *кок-/кук-*². Исконное происхождение можно предполагать и для лексем *коко́рка*, *коко́рька*, *коку́рка*: данные слова (в «хлебобулочных» значениях), распространенные не только на территории Русского Севера, но и на Урале, в Красноярском крае и др. [СРНГ 14, 96–97], хорошо вписываются в парадигму значений рус. диал. *коко́ра*, в которых представлены семы комкообразности, загнутой и т.п.: 'нижняя часть ствола дерева с корнем', 'палка, жердь с загнутым концом', 'борона', 'прялка', 'лыжи', 'корявые руки', 'мерзлый ком грязи', 'сушеная рыба (рыбья голова)', 'творог', 'блюдо из картофеля (запеченное картофельное пюре)'.

Наконец, для лексем *ко́жонец*, *ко́жанец*, *ко́жач* 'неудачно испеченный хлеб' можно предполагать контаминацию исконных и финно-угорских форм. Эти лексические факты отмечены на территории Белозерья – в зоне интенсивных контактов с прибалтийско-финскими наро-

¹ Меркулова В.А. Русские этимологии. III // Этимология. 1977. М., 1979. С.100.

² Для лексемы *коклѹшка* более вероятна связь не с **kok-*, а с **kliu-* 'клонить'.

дами, поэтому возможно проникновение заимствованного слова именно в эти говоры. Зафиксированный в СРНГ ареал форм *кóкaч*, *кóкaнец* и т.п. также подтверждает версию о возможности заимствования (арх., влг., ленингр., олон.) [СРНГ 14, 87–88]. Однако данные формы являются не только заимствованными, а именно контаминированными, на что указывает преобразованная семантика: не просто ‘пирог с начинкой’, а ‘неудачный хлеб’. Следует отметить, что семантика ‘неудачности’ может исходить не только от продолжений *кок-/кук-* ‘гнуть’, но и от образований на базе слова *кóкa* ‘яйцо’ (последнее представляет собой слово детской речи [Фасмер 2, 28]); логика такого соотношения такова: яйцо → похожий на яйцо; твердый, непеченный → неудачный хлеб. Лексемы *кóкaч*, *кóкaнец* ‘пирог с начинкой’, совпадающие со значением финно-угорского источника и распространенные на территории Белозерья, являются прибалтийско-финскими заимствованиями.

Рус. диал. *лѣга*, *лѣжа*, *лѣжница* ‘лужа; сырое низкое место’ представляется следствием контаминации лексики *лѣга* ‘то же’ (< **leg-* ‘гнуть’) и рус. диал. *лѣва* ‘то же’ (< карел. *liiva*, фин. *liiva* ‘морской ил, кашеобразная или мокрая масса; грязь’ [Аникин, 375]). Дополнительное влияние можно усмотреть со стороны слова *лѣжа*.

Близость формы лексики *пестѣрь* ‘большая заплечная корзина с крышкой, сплетенная из бересты’ (рассматриваемой как субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков, ср. мар. *põštʲyr*) к звуковому облику дериватов глагола *плести*, а также наличие у нее значения ‘корзина’, которое характерно для семантического наполнения гнезда *плести*, привела к появлению рус. диал. *плестерѣшка* ‘мелкое изделие, сплетенное из бересты’.

Те же причины обусловили возникновение рус. диал. *снѣворотень* ‘бревно, на которое крепятся стропила’, *снѣвра*, *снѣрина* ‘перекладина; планка, поперечина, скрепляющая доски двери, пола, плота’: *снѣворотень* < *скѣворотень*, *кѣворотень* ‘бревно, на котором крепится крыша дома’ (< *ска-*, *ка-* + *ворот-* ‘вертеть’) + *нѣрва*, *снѣрва* ‘перекладина; планка, поперечина, скрепляющая доски двери, пола, плота’ – вероятно, саамского происхождения, ср. саам. *noarve* ‘планка на крышке стола’² (А.Е. Аникин отмечает, что наличие укр. *нарвина* ‘перекладина для укрепления санных полозьев’ является доводом в пользу германской этимологии этого слова (такую версию см. в [Фасмер 3, 44]), однако для северновеликорусских и сибирских фактов саамская этимология

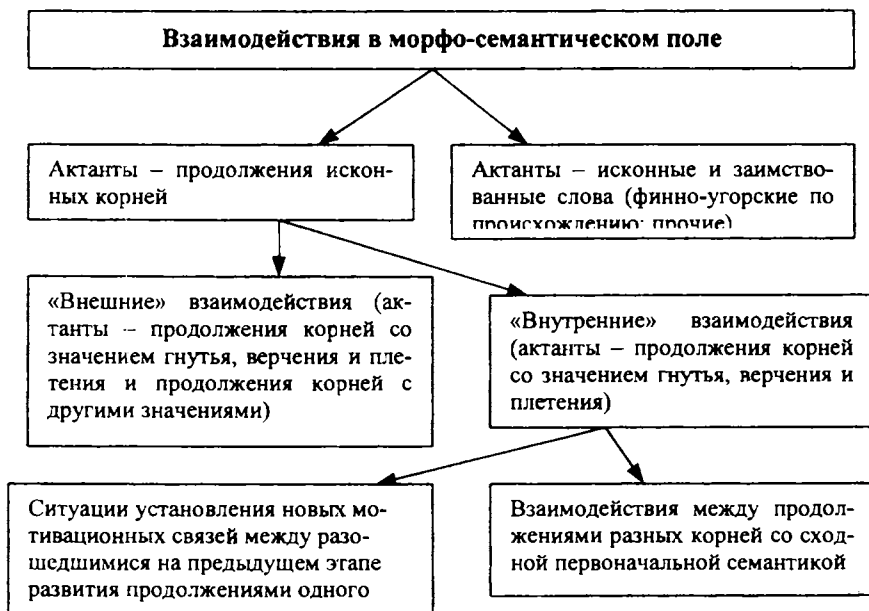
¹ Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 23–24.

² Там же. С. 16.

предпочтительнее [Аникин, 421]). Лексемы *сна́вра*, *сна́врину* могли появиться либо под воздействием дериватов корня **ver-* ‘вертеть’, либо в результате метатезы.

Следствием широкого распространения на Русском Севере слов прибалтийско-финского происхождения является, возможно, и существование лексемы *кулёмина* ‘залив в реке’. Не исключено, что данное слово возникло в результате «скрещивания» лексем типа *курёвина* ‘то же’ (последняя лексема – суффиксальное образование от рус. диал. *курё́я*, которое представляет собой трудное в этимологическом отношении слово: «восходит к какому-то неизвестному субстратному финно-угорскому языку, родственные формы могли сохраниться в других финно-угорских языках, ср. фин. *kuru* ‘длинное узкое углубление, заливчик, ложбина’» [Аникин, 347]) и дериватов корня **kul-* ‘гнуть’, ср., например, *кулё́к*, *кулё́га*. С другой стороны, это слово может быть производным непосредственно от корня **kul-* ‘гнуть’, так как данная семантика вполне выводима из ‘гнуть’: гнуть → загигаться → изгиб реки или залив.

Итак, продолжения рассматриваемых корней подвергаются самым разнообразным по характеру и условиям протекания взаимодействиям в морфо-семантическом поле. На нашем материале можно пронаблюдать разнообразие контаминационных процессов, которые могут классифицироваться по такому параметру, как «актанты взаимодействий»:

Можно сказать, что взаимодействия в морфо-семантическом поле существеннейшим образом влияют на особенности функционирования слова в синхронной системе говора, создавая новые импульсы для появления новых «гибридных» единиц, становящихся связующим звеном для различных взаимодействующих гнезд и способствующих размыванию «генетически заложенных» границ между последними.

И.П. Петлева
Институт русского языка РАН
Москва

К вопросу об инфиксе -н- в русских говорах

В русских говорах и просторечии встречаются единичные лексемы, в состав которых входит вставное -н- (инфикс). Оно наблюдается обычно в экспрессивной (неодобр., насмешлив., ирон.) лексике. Причем инфикс часто появляется в корне перед зубными д, реже т после гласных у и 'а, этимологически восходящих к носовым ǫ, ę – и таким образом происходит своеобразная вторичная назализация (собственно, как бы восстановление первичной). См. *жа-н-добриться* 'иметь жалость, снисхождение, сжалобиться' (тамб.) (Опыт; ДО), *жа-н-добиться* 'стараться, пещись' (тамб.) (Опыт), *жа-н-доба* 'жалость' (диал.) [СРНГ 9, 71] – ср. *жадобриться* 'разжалобиться', 'сжалиться' (пенз., тамб.), 'жалобиться, высказывать жалость' (диал.) [СРНГ 9, 59], *жадоба* 'скупость, алчность, жадность' (смол., южн.), 'сильное, страстное желание чего-л.' (новг., южн.) [СРНГ 9, 58–59]. Это также *пру-н-дить* 'мочиться под себя' (тул., смол.) [СРНГ 33, 66], *пру-н-диться* 'то же' (калуж., смол.) [СРНГ 33, 66], *опру-н-дить* 'налить много' [ЯОС (О–Пито), 53] *опру-н-диться* возвр. к *опрундить* [СРНГ 33, 66], *пру-н-да* 'тот, кто мочится под себя; кто страдает недержанием мочи' (влад., моск., смол., тул., яросл.) [СРНГ 33, 66] – ср. *прудить* и *прудиться* 'мочиться в постель' [Даль 3, 529], *прудиться* 'испускать под себя мочу' (новг., пск., твер.) [ДО 221], *прудить* 'мочиться в большом количестве' (СРСГСП-Д 1, 124), *опрудить* 'замочить уриною' (новг.) [ДО, 162], *пруда* 'кто прудится' (пск., твер.) [ДО, 221], *опруда* 'кто мочится уриною' (пск., твер.) [ДО, 162]. Анализируя лексемы *пруда*, *пру-н-да*, *прундиться*, М. Фасмер писал, что «носовой -н-, возможно, из польск. *prąd* 'течение', *prądać* 'течь', но скорее экспрессивного происхождения» [Фасмер 3, 388]. См. еще *присусе-н-диться* 'присоединиться к кому-, чему-л. без приглашения' (сарат., ульян.) [СРНГ 25, 431] – ср. *присуседиться* 'присоседиться к кому-л.'; 'уплетать за обе щеки, есть с аппетитом что-л.' (калуж., пенз.)